

В МИРЕ КНИГ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.

Отв. ред. З. Т. Голенкова

М.: Летний сад, 2003. 365 с.

В коллективной монографии сотрудников Института социологии РАН анализируются различные аспекты одной из наиболее сложных проблем современного российского общества — трансформации социально-структурных отношений. Чтобы понять суть данной проблемы, необходимо прежде всего ответить на вопросы, которые находятся в центре внимания авторов: чем вызваны происходящие сдвиги, каковы масштабы и направления изменений, что влияет на социальную дифференциацию и интеграцию в условиях глобализации социально-экономических и социокультурных процессов? Об актуальности перечисленных вопросов свидетельствует, в частности, тот факт, что книга подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

В двух первых главах (всего их 16) заявленная тема освещается в историко-теоретическом ключе — в контексте концептуальных парадигм глобализации, полемики вокруг основных критериев и качеств, характеризующих этот феномен с методологической и содержательной точек зрения, противоречий глобализационных процессов. В остальных главах речь идет о конкретном со-

стоянии и уровне стратификационной структуры общества, роли социальных институтов в формировании такой структуры и, наконец, о проявлении социально-структурных сдвигов в отдельном регионе страны — Республике Калмыкия. Опираясь на результаты социологических исследований, авторы анализируют динамику взаимодействия различных классов, социальных групп и слоев в системе социального равенства — неравенства; особенности российского рынка труда; качественные характеристики наемных работников; социальное самочувствие и трудовую деятельность российских крестьянства; факторы, влияющие на дестабилизацию традиционной семьи; взаимосвязь социального состояния общества и здоровья населения и т. д.

Материалы, представленные в коллективных монографиях, как правило, неравноценны. И в данном случае можно констатировать, что одни главы написаны на хорошем научном уровне, другие же вызывают серьезные возражения. Но обо всем по-порядку. Первая глава называется "Концептуальные парадигмы глобализации: историко-социологический анализ". По словам автора, он считает "наиболее

правдоподобной" позицию, "которая возводит начало глобализации к периоду становления индустриальной цивилизации". В соответствии с данным постулатом далее рассматриваются концептуальные модели, сложившиеся в "истории идей Нового времени и классической социологии" (с. 13). Видимо, из-за недостатка места излагаются эти модели весьма бегло, причем если взгляды, например, О. Конта, К. Маркса, В. Вернадского хорошо известны и не требуют особых пояснений, то идеи П. Сорокина, Р. Мертона, А. де Токвиля и других ученых, внесших свой вклад в формирование современных представлений о глобализации, можно было бы рассмотреть подробнее. В целом, как мне кажется, проведенный анализ не вполне объясняет, почему именно упомянутая позиция является "наиболее правдоподобной".

Гораздо убедительнее выглядят положения и выводы второй главы: "Феномен глобализации как фактор социальной дифференциации". Здесь даны четкие определения двух точек зрения на феномен глобализации по характеризующим его методологическим и содержательным критериям и качествам. По логике первого подхода понятием глобализации охватываются любые конкретные формы интернационализации, "которой придается видимость всеобщности самим фактом размещенности на исторической вертикали". Согласно второй трактовке, термин "глобализация" распространяется исключительно на современный этап интернационализации, предполагающий "планетарный масштаб, принципиальную (системную) всесторонность и всеобщность... становление единого взаимосвязанного мира... движение к установлению связи "всего со всем

и всех со всеми" как в горизонтальной, геополитической плоскости, так и применительно к объемному пространству социума" (с. 43). Рассматривая противоречия глобализационного процесса, автор подчеркивает, что расхожая формула "мир сегодня живет в условиях глобализации" вполне справедлива, "если под глобализацией понимать постоянно нарастающую тенденцию, и несправедлива, если раскрашивать социальную карту мира в один, не знающий оттенков глобализационный цвет" (с. 49). Разные страны, формально имея свободный доступ в "мировой контекст", реально обладают неодинаковыми возможностями для этого и включаются в него различными способами — через торговую, производственную, финансовую среды, политику, культуру и т. д. Как бы то ни было, автор приходит к однозначному выводу: независимо от уровня и масштаба распространения, глобализация — закономерный в условиях современной жизни человечества процесс, необратимая тенденция, "утверждавшаяся в ходе противоборства динамики и статики, центростремительных и центробежных векторов" (с. 48).

Следующая глава "Социальная структура российского общества в условиях глобализации и гендерное равенство" вызывает, мягко говоря, недоумение. В ней представлены данные контент-анализа трех женских изданий — журналов "Работница", "Крестьянка" и "Мир женщины" за первые шесть месяцев 1991 и 2002 гг. Анализ предваряется тривиальными констатациями типа: "социально-структурные изменения, происходящие в российском обществе, отражают экономические преобразования в период постсоветской модернизации"; "трансфор-

мируется общественная форма всех социальных институтов — экономических, политических, культурных, образовательных"; "в стране произошел глубокий общественный переворот... исчезают одни и появляются другие социальные группы" и т. д. (с. 50). Но какое все это имеет отношение к контент-анализу журналов, совершенно неясно. Приведу для иллюстрации одну из пяти таблиц, в которые сведены полученные результаты, и авторский комментарий. Итак, «Внешность (лицо и фигура) героинь женских журналов меньше интересует журналистов. Если в 1991 году каждая третья из попавших на страницы была привлекательной, то в 2001 году это только каждая седьмая. Невольно на память приходит строка: "Нам с лица воду не пить..."» (с. 62).

В чем заключается связь между "встречаемостью лица" и социальной структурой российского общества в условиях глобализации, а также с гендерным равенством? Непонятно и то, какая разница в приведенной таблице между "не упоминается" и "нет ответа". Кстати, в остальных таблицах предпоследняя графа отсутствует. При этом обращает на себя внимание, что в трех случаях: когда речь идет о публикациях, посвященных распределению ролей, вкладе героини в ведение домашнего хозяйства и занятости в государственном или частном секторах, альтернатива "нет ответа" превалирует, достигая 74,8%. Иначе говоря, как выража-

ется автор, "не всегда журналы заявляли о своей позиции", оставляя "своим читателям право делать выводы, никак не обозначив собственного отношения к проблеме" (с. 63). Но в чем же тогда смысл контент-анализа? Словом, на мой взгляд, эта глава — одна из самых неудачных, и не будь ее, монография только выиграла бы.

После такой констатации тем приятнее обратиться к разделам, где четко раскрывается проблема, определяются задачи проведенных исследований и обстоятельно излагаются полученные результаты. Интерес с этой точки зрения представляют анализ становления основной производительной силы общества — класса наемных работников, формирующейся системы социальных различий между отдельными элементами данного класса, природы таких различий, которые зависят от включенности работника в тот или иной сектор занятости, от его профессионального, образовательного уровня, возраста, должностного статуса (гл. IV); исследование российского рынка труда, развитие которого тормозится, с одной стороны, инерцией отечественной системы образования, не полностью соответствующей новой рыночной ситуации, а с другой — региональной дифференциацией, препятствующей свободному перетеканию кадров в те регионы, где в них ощущается нужда (гл. V); и особенно — объектно-субъектные аспекты анализа понятия "рабочие" (гл. VII). На последнем хотелось бы

Таблица 1

Год издания	Лицо, встречаемость, %				
	привлекательное	заурядное	некрасивое	не упоминается	нет ответа
1991	31,6	11,1	1,7	55,6	-
2001	14,0	7,6	0,8	77,2	0,4

остановиться подробнее. Как справедливо отмечает автор, рабочий класс, будучи "самой крупной социальной стратой современного российского общества", находится "в тени исследовательского поиска" (с. 129). Активно изучаются новые социальные общности — предприниматели и безработные, много публикаций, посвященных отечественному "среднему" классу, хотя вопрос о том, существует ли он вообще или является плодом социологического воображения, до сих пор дискутируется. На этом фоне количество исследований трансформации рабочего класса за последнее десятилетие резко уменьшилось, и потому материал данной главы представляет особую ценность. Речь идет о проведенном в 1999 г. опросе 1694 жителей Нижегородской области, среди которых рабочие составляли 42,5%. Внутреннюю дифференциацию рабочих описывают 5 кластеров: "неадаптированные женщины", "продвинутые рабочие", "низкоресурсная молодежь", "кадровые рабочие", "новая рабочая смена". Главные характеристики каждого кластера схвачены очень точно. Пожалуй, это одна из лучших глав в книге.

Интересная информация содержится также в разделах о труде и социальном самочувствии занятых в аграрном секторе (гл. VIII) и об особенностях профессиональной деятельности учителей в современных условиях (гл. IX). Здесь излагаются результаты исследования Краснодарского отдела Института социологии, проведенного в сельскохозяйственных районах края, и данные опроса учителей в Тульской, Кировской, Нижегородской и Свердловской областях. Выводы авторов, опирающихся на обшир-

ный эмпирический материал, не могут не вызвать тревоги. Применительно к сельским труженикам констатируется, что "социально-экономическая ситуация, в которой пребывает село, не формирует у человека значимых стимулов к труду. А нынешняя социокультурная среда не способствует возникновению у него необходимых для экономического роста мотивов трудовой деятельности" (с. 193). Что касается учителей, то они понизили "свой статус, явив (как и инженеры) пример нисходящей групповой социальной мобильности". Это "сказалось на качестве образования, следовательно, на характеристиках интеллектуально-профессионального потенциала страны, т. е. на социальных процессах и деятельности образования как социального института в целом" (с. 222).

Откровенно слабый материал представлен в главе "Бизнес-элита России: генезис, социальный состав, ролевые функции". Эта тема освещается СМИ весьма подробно, и ничего нового из упомянутой главы читатель не почерпнет. Здесь нет научного, социологического анализа проблемы (не считать же "наукой" те таблицы и рисунки, которые приводятся, например, "место рождения бизнес-элиты" или "динамика годовых рейтингов "олигархов", входящих в сотню наиболее влиятельных политиков России с 1996 по 2000 г."). Данные явно устарели (поэтому Б. А. Березовский возглавляет список наиболее влиятельных политиков), даются ссылки на парламентские выборы четырехлетней давности, цитируются высказывания из интервью 1997 г., словом, создается впечатление, будто листаешь "старые страницы". К тому же текст плохо отредакти-

рован (например, "недавно начавшийся 2002 год"), "олигархи" (почему-то в кавычках) Смоленский и Евтушенков приведены в таблице без инициалов и т. д. и т. п.

Нельзя, на мой взгляд, назвать удачной и главу, посвященную профессиональным и досуговым ориентациям современного студенчества. Это, скорее, отчет, где много цифр и мало анализа.

Актуальная проблема, связанная со статусными особенностями социальных групп в контексте соотношения социального равенства — неравенства (гл. XII), рассматривается с учетом трех компонентов: социальной реальности, знания или осознания этой реальности и социальной коммуникации. Такой подход вполне обоснован, жаль только, что данные наблюдений за динамикой социального равенства — неравенства ограничиваются исследованием "Зеркало мнений" за 1992—1995 гг. и опросом 1998 г. Использовались такие эмпирические показатели, как оценка собственного благосостояния, доход, качество жизни, рост возможностей покупать, отдыхать, одеваться и т. д. Думается, что новые данные внесли бы свои коррективы в общую картину.

Социолог, намеревающийся изучать нынешнюю социально-экономическую, политическую и культурную ситуацию, неизбежно сталкивается с проблемой построения системы показателей, которая обоснованно, адекватно и эффективно отражала бы эту ситуацию. О взаимосвязи объективных и оценочных показателей уровня жизни говорится в главе XIII. Из нее заинтересованный читатель может почерпнуть немало ценных сведений.

Актуальными в современных ус-

ловиях являются также проблемы, которые рассматриваются в двух следующих главах: неблагополучная семья (гл. XIV) и репродуктивное здоровье подростков (гл. XV). В первом случае представляют интерес типология семей, неблагополучных с точки зрения социального риска при воспитании ими детей, факторы, определяющие характер и степень риска каждой семейной группы, дефекты воспитательного воздействия на детей; во втором — оценки опрошенных родителей и подростков своих взаимоотношений, которые, как показало исследование, в значительной степени влияют на половое поведение ребят и в конечном итоге на их репродуктивное здоровье.

Наконец, последняя глава книги посвящена, как отмечалось в начале рецензии, динамике изменений в социальной структуре населения Республики Калмыкия в постсоветский период. Автор приводит интересные данные, касающиеся недавнего прошлого и нынешней ситуации. Например, оказывается, в 1970—1980 гг. доля специалистов с высшим образованием среди калмыков была в 2 раза больше, чем среди русских. По этому параметру калмыки входили в первую десятку этносов СССР (с. 344). Причем это был один из самых малочисленных этносов, а Калмыкия была наиболее дотационным регионом в Советском Союзе. Ее доходы обеспечивали лишь четверть бюджетных расходов.

В 1990-е годы наблюдалась полная дестабилизация и деградация всей социально-экономической структуры, что снизило уровень и качество жизни населения республики. Согласно опросам общественного мнения, одной из стратегий

выживания стал массовый выезд не только русских, но и калмыков за пределы республики в поисках заработка.

В настоящее время до кардинального улучшения ситуации еще очень далеко. Тенденция потенциальной миграции, особенно среди молодежи, усилилась, средний класс так и не сформировался, большинство населения оказалось отчужденным от собственности, которая приватизирована властвующей элитой республики. "В этом отношении, — отмечает автор, — утвердившаяся модель приватизации практически ничем не отличается от проведенной приватизации во многих других регионах и субъектах Российской Федерации" (с. 351).

Анализ статистики, данных социологических исследований — позволяет сделать вывод: Республика Калмыкия как неотъемлемая часть России отражает все типологичес-

кие элементы ее экономической и социальной макроструктуры.

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемая монография отвечает на главный вопрос: в чем специфика российского общества в условиях глобализации. Как подчеркивается в заключении к книге, "процесс глобализации накладывается на противоречивый процесс трансформации, сопровождающийся углублением социального неравенства и маргинализацией значительной части населения" (с. 365). В этих условиях как никогда важны солидарность и сплоченность граждан страны.

*Г.В. БРАЖНИК,
кандидат философских наук*

The collective monograph "The Social Stratification of Russian Society" dedicated to the transformation of social structures in Russia is reviewed. The author evaluates the individual contributions regarding their scientific quality.